

Когда отгораживаются от критики

В Государственном русском драматическом театре готовились спектакли «Девы-красавицы». Все сроки выпуска премьеры были уже пропущены. Конечно же, в то время как в дневники режиссера была записана, что работа над спектаклем началась еще в сентябре. И вдруг в дирекцию поступил тревожащий сигнал. Секретари партийной организации, он же кооператор одной из центральных район, тов. Давыдов заявил руководителю театра, что спектакль репетируется из рук вон плохо, режиссер тов. Виллис в работе не подготовлен, репетиции идут на самотек.

Но странное стечение обстоятельств, когда в руководстве театра обсуждался этот вопрос, режиссер спектакля не присутствовал. Было решено, как сигнал поступил, к тому же, как умерал главный режиссер театра тов. Улыбин, нужно думать, что этот сигнал обобщили, ибо во все в жизни было замечено, что тов. Виллис вполне справляется со своими режиссерскими обязанностями, — необходимо срочно проследить репетиции и устранить производственные совпадения.

Прошло некоторое время. Снова собрание руководство театра, снова возвращаются к этой теме, но на сей раз присутствовал тов. Виллис и отсутствовал тов. Давыдов. Инициатива к кооператору принадлежала артему главного режиссера. Он теперь уже утверждал, хотя еще не побывал на репетиции, что сигнал артема обобщен и согласился с тов. Виллисом, что замечание тов. Давыдова направило построение на личный счет.

Производственного совещания по обсуждению работы над спектаклем так и не оформил. Спектакль вышел в свет в

конце декабря. В кулуарах, как водится, новую премьеру обсуждали горячо. Одни утверждали, что это огромная победа, другие, наоборот, считали, что спектакль поставлен на уровне плохого драмкружка. Настойчиво раздавался голос: «Давыдов обещал намую новую работу, наоборот к ней честно, смело, открыто, отчетливо ее достоинства, указав на недостатки, сообщив научились на ошибках». Увы! Эти голоса не были услышаны. Даже после обсуждения спектакля каноническими активами театра, после выступления газеты «Социалистическая Якутия» с отчетом о критической конференции, когда в адрес театра были высказаны серьезные заслуживающие внимания упреки, даже тогда не было собрано собрание коллектива для обсуждения этих замечаний. Напротив, главный режиссер театра стал обвинять пороки союзнической организации с протестом, почему, дескать, «социалистический» спектакль, это «инсценировка» занесены в газету и даже не пытались учредить итское расследование, что из «основ» взял в рецензии, что, мол, мог напечатать артему замечания и написать ему «спасе спасибо».

Эта грустная история, и замечания, на частный случай в практике русского драматического театра. Здесь, как правило, избегали обсуждать свою работу, страшились критических замечаний, каждое критическое замечание воспринимал как желание подорвать авторитет руководителя.

Долгое время в театре не было ни одного общего собрания, не состоялось ни одного смелого открытого разговора о творческой практике отдельных актеров, режиссеров в коллективе в целом. Если же волею и вслух заведен нежелательный порядок, при котором театр, прежде чем сыграть готовый спектакль общественности, обсуждал его у себя на художественном совете, на производственном совещании, то у нас этого старательно избегали и чуть ли не тайком от коллектива, на скорую руку устраивали общественный просмотр премьеры. Так было и с «Девками-красавицами», так случилось с «Изобретательной любовью». Каждое предложение — начать разговор внутри театра о недостатках его творческой практики принимается в штыки.

Даже уже раздавались голоса, что серьезные ошибки не страдают спектакли «Любовь Яровая». Однако постановщик спектакля тов. Улыбин не нахально преслушался к голосу авторов. Даже тогда, когда центральная печать опубликовала материалы о работе над спектаклем «Любовь Яровая» классика советского театра войкового В. И. Немировича-Данченко, и записки его репетиций убедительно доказывали наличие серьезных ошибок в нашей трактовке пьесы, даже и тогда, несмотря на настоятельные предложения отдельных работников, в театре не захотели обсудить свою работу.

Репертуар театра — это его жизнь. Репертуар определяет творческое направление, наконец, всю творческую жизнь коллектива. Поэтому в обсуждении репертуара должны принимать участие все без исключения работники театра. У нас же репертуарный план на 1953 год остался секретом для подавляющего большинства авторов. И это, очевидно, связано потому, чтобы не слышать критических замечаний.

Всему работникам театра становится с твердым намерением художественного

Соч. Якутия

15 янв 1953

руководство избирать критику, оторвавшись от нее, а если выдержка критикам критическое слово доходит до слуха главного режиссера тов. Ульянова, то начинается нагласное расследование: «Его слышали? Почему слышали? Для чего слышали? Как это слышали?».

Руководство русского драматического театра II, в первую очередь, главный режиссер тов. Ульянов всеми силами старается сохранить негодные нравы в коллективе, саморазрушительности, угодничества, безнравственности «своих».

Только в результате отсутствия критики до сих пор не разоблачена самозванность, под защитой тов. Ульянова, прочие скрывали себя где-то в наметке театра. Но случайно, что, находясь в Москву на пополнение творческого коллектива, тов. Ульянов приказал сделать работников, ранее работавших с ним в составе в артистических отношениях. В углу семейственности и приятельских отношений в театре оказалось большое количество авторов одного и того же ценникового профиля. В те же время в коллективе до сих пор нет нужных артистов, без которых невозможно создание полноценного спектакля.

На в углу, из этого же принципу театр оказался почти совершенно лишенным молодых актеров. В числе Скулакова всем известны вытесненные «двоячки-красавицы» одна насчитывается сто лет. В наметке же спектакля общий выцвет пятидесяти исполнительных ролей ампулирует ролевого утилитара давая перевалы на 300.

Даже о таких молодых актерах, которые есть в театре, художественно-руководство не считает нужным систематически работать. «Зачем с ними работать?» — рассуждают режиссеры. — Лучше поручить ту или иную роль опытным артистам — хлопот меньше». Как-то молодому способному артисту г. Клепикову дали роль Фабрицы в «Хозяйке гостиницы» Гольдони, но в премьеру сыграть

ему все же не удалось. Его заменил актером старшего поколения. Случай с г. Клепиковым не единственный. В течение года были почти исключены из репертуара молодые, спешившие актриса Ирина Баташова. Прочим зрелым «мелким» «вспомогательным» не только на мизансетах, но и в том, что она носила через республиканскую газету критиковать художественное руководство театра.

Распределение ролей в театре зачастую происходит в углу тем же приятельскими отношениями.

В театре совершенно размыта творческая и творческая дисциплина. Ожидания, невыходы на работу, невыполнение работником в театре обязанности стали обычными явлениями. Здесь существует политика двойного аккредитирования, невыполнения обязанностей друг друга. В это понятие, так как главный режиссер тов. Ульянов сам систематически опаздывает на репетиции, редко занимается с труппой на творческие занятия.

В театре отсутствуют учебно-исследовательские работы. В течение двух лет не было проведено ни одного занятия по повышению квалификации актерского состава. Сравнения не изучаются в театре. Младшим К. С. Сталинским, без чего невозможно овладение методом социалистического реализма. Художественный руководитель находит времени для творческих собраний с артистами, не знает их творческих способностей и устремлений.

От «самостоятельности» тов. Ульянова объявлено право. Свои силы в театре он тратит не так, чтобы больше заработать.

За свои приемы в течение года главный режиссер обязан поставить четыре спектакля, очередной — пять. Однако тов. Ульянов поставил семь спектаклей, получил за «первоисполнение» 10 тысяч рублей. И это сделано в те время, когда очередной режиссер поставил лишь два спектакля. В погоне за заработком тов. Ульянов не брезгает никакими средствами. Он не останавливается перед

тем, чтобы отменить репетицию, или поддержать на линии бы вызвать какой-нибудь сторонний позор. Но минимальным критерием обязательности, тов. Ульянов выступает в концертах, по радио, руководит крупным художественным самозванством, мизансетах, выступает, как актер в спектаклях.

Ничего не делается театром и в смысле организации артиста. Мы не можем назвать ни одного предприятия, ни одного учреждения в столице республики, где бы побывали с беседами главный режиссер театра, отдельные режиссеры, актеры. Творческий коллектив не встречается с мастерами стахановского труда, с учителями, преподавателями, учащимися молодежи.

Самостоятельно непонятна позиция партийной организации театра и ее секретари тов. Давыдова, которая, зная о всех этих недостатках, более того, но раз конституция их в своем решении, не добилась улучшения работы театра.

Валит груз жалоб и ошибок театра. Театр серьезно отстает от предъявляемых к нему требований. Но было бы неправильно думать, что творческий коллектив театра не способен процвести от этого отставания. Коллектив театра в своем большинстве сильный, может уметь решать сложные идейно-художественные задачи, вытекающие из решений XIX съезда партии. Нужно только сломать этот коллектив, помочь ему проложить атмосферу матовости, угодничества, заимствования и самозванности. Вскоре после этого должны сделать горестный концерт партии и управление по делам искусств при Совете Министров Якутской АССР, которые не немедленно принятыми не проявляют должной принципиальности, чтобы вывести порок в театре.

В. ВЕНАМИНОВ,

членство русского интеллигента,

Б. БАТАШОВ, И. ГРУЛЬ,

заслуженные артисты ЯАССР,

А. КОЗЕЛ,

артист русского драмтеатра.